

Виртуоз рискует и выигрывает

Вег. Москва. - 2000. - 13 июля. - с. 6.

Николай ЛУГАНСКИЙ: Музыка — что-то среднее между привычкой и наркотиком

Пианист Николай Луганский — победитель X конкурса им. Чайковского, почетный гость многих престижных залов и самый знаменитый солист нового поколения. Выступив с блестящими концертами в Большом зале консерватории, он завершает сезон выступлениями в Сингапуре, Лос-Анджелесе и в финале международного фестиваля в Кольмаре (Франция), руководимого Владимиром Спиваковым. В этом году фестиваль посвящен памяти великого итальянского пианиста, кумира Николая Луганского, Артуро Бенедетти Микеланджели.

НОВЫЕ
РУССКИЕ ЗВЕЗДЫ

Наталья КОЛЕСОВА

— Что такое проект «Новый век российского пианизма», объединивший таких разных музыкантов, как вы, Вадим Руденко, Денис Мацуев, Александр Гиндин?

— Во время перестройки потоком лились статьи, доказывающие, что в России остались самые плохие исполнители, что исполнительские школы выродились и умерли. Естественно, никакая школа не умерла. Русская фортепианная школа — ведущая в мире. Другое дело — сейчас она по всему свету.

Самый забавный ответ на вопрос о русской пианистической школе я читал у эмигрировавшего в Америку пианиста Алексея Султанова. Он утверждал, что русская фортепианная школа умерла в 1917 году, после революции остались самые бездарные, и советскую фортепианную школу отличают «низкие скорости, слабая техника, грязная педаль. Дальше — набрать побольше фальшивых нот и забыть текст». На Западе бытует другое мнение: бронебойная игра, лауреаты первых премий, все быстро и громко.

Что касается особенностей нашей школы, то одни считают сильной стороной блестящую технику, другие — русскую напевность, мягкий, певучий звук. Кто что любит.

— Техника определяет все?

— Нельзя сказать, что, если музыкант играет безумно быстро, громко и попадает по нужным клавишам, это замечательный артист. Но также нельзя сказать, что серьезный музыкант может играть мимо. Другое дело — природные данные: сильные или слабые руки, тяжелые или легкие. Публика не должна этого знать, но физические данные иногда определяют очень многое. Есть такие руки, обладатели которых просто не могут быть виртуозами, подобными Бузони или Горовицу. А есть люди с таким идеальным строением рук, что им ничего не стоит играть супервиртуозно. Знаете, моему другу пианисту Вадиму Руденко в армии даже кисть перебили. А руки как были замечательными, так и остались.

— Может ли виртуоз быть человеком эмоциональным? Или он, как Сальери, проверяет алгеброй гармонию?

— Виртуоз происходит от слова «вирту» — риск. Тот, кто все про-

считывает, не может стать виртуозом. Виртуоз — тот, кто рискует и выигрывает. Нет неэмоциональных выдающихся пианистов. Но если безумное волнение переходит в страх, сковывающий и голову и мышцы, невозможно стать виртуозом. Виртуозами обычно становятся люди бесшабашные, любящие риск.

— Вам знаком страх и как вы с ним боретесь?

— Конечно знаком. Но это очень интимно. Я не знаю метода борьбы со страхом. Парадоксальными соображениями относительно волнения со мной делился Михаил Плетнев. Он действительно победил страх и с годами стал еще большим виртуозом. Но универсальных рецептов здесь нет.

— Часто под видом пропаганды классического искусства на сцену проникает густопсовая пошлость. Что может противопоставить этому серьезный музыкант?

— Слушателя надо воспитывать, чем в советские годы небезуспешно занималась наша пропаганда. Но вкус потребителя — стихия. Публика падка на дешевые (и недешевые) эффекты. Массовый зритель мало знает, не всегда обладает вкусом, чтобы отличить имитацию от подлинного искусства. Но артисты, которые делают шоу, мне даже более симпатичны, чем имитирующие «глубину» и «серьезность». За искренность намерений. Среди шоуменов — такие разные величины, как три знаменитых тенора на стадионах, Николай Басков, скрипка Ванесса Мэй. У каждого свои критерии. На Западе это имеет глубокие традиции, при переносе же на российскую почву приобретает причудливые формы. Это даже больше касается публики: эмоциональная температура притяжения-непритяжения, радости-озлобления значительно выше. На всех конкурсах начинаю так «болеть» за и против, что бывает просто противно смотреть. Может быть, поэтому в нашей стране мировая тенденция «демократизации» классической музыки более опасна, так как публика подвержена слишком сильным приступам эмоций.

— Чем может себе позволить увлекаться такой серьезный пианист, как вы, в свободное время?

— Много времени и сил уходит на самолеты, поезда, переезды из одной гостиницы в другую, ре-

петиции. Свободного времени очень мало: у меня семья, двое детей. Но я люблю игры, играю в шахматы, в настольный теннис, в карты. Если есть возможность (чаще — на гастролях за границей, где все же гораздо больше времени), с удовольствием хожу по музеям. Больше всего люблю Национальную галерею в Лондоне и музей «Прадо» в Мадриде. Мы живем так далеко от моря, что, оказавшись вдруг на берегу океана, русский человек в любую погоду незамедлительно идет плавать. Местные жители в воду холоднее +25 не заходят.

— Я как-то читала о том, как испанские спасатели на вертолетах эвакуировали вас из моря. Что это было за приключение?

— Я выступал на острове Гран Канария, а после концерта пошел искупаться. Штормило и начался сильный отлив. И я не мог вернуться назад. Волны были огромными, мне бросали с вертолета веревочную лестницу. Вода была такая прохладная, что если бы я пробыл в ней часок-другой, умер бы от переохлаждения. Еще сутки провел в госпитале с температурой 34.

— Когда пианисту Николаю Луганскому не нужно учить новые произведения и готовиться к концерту, что он наигрывает наедине с самим собой?

— На самом деле, мне очень интересно разучивать новое. Если нечего делать, могу выучить наизусть часть фортепианного концерта за два часа. Скажем, Первый концерт Брамса я с нуля выучу наизусть за пару дней. Но с такой музыкой надо как можно дольше прожить вместе. Музыка для меня — что-то среднее между привычкой и наркотиком.

— Нужны ли вам сейчас, когда вы уже сами преподаете, советы профессионала?

— Стараюсь разок-другой поиграть перед выступлением профессору Сергею Леонидовичу Доренскому. После такой проверки мне комфортнее выступать. Хотя чужое мнение на меня не может сильно повлиять.

— Для вас важно, чтобы во время исполнения в зале находились близкие люди — родители, жена, брат?

— Для меня существеннее мои взаимоотношения с музыкой, чем состав аудитории. Хотя мнение близких людей для меня важно. Наверное поэтому в Москве мне играть значительно труднее, чем в любой другой точке мира. Самые удачные концерты я давал не в Москве. Но это вам скажет практически любой исполнитель. Говорят, Давиду Ойстраху принадлежит высказывание: «Вы даже не знаете, какой я скрипач, если слышали меня только в Москве. Вы не представляете, что это такое — выйти на сцену Большого зала и увидеть сидящего в шестом ряду Леонида Когана».

— Проявляются ли музыкальные способности у ваших детей?

— У дочки (ей четыре с половиной года) пока нет, хотя она

учится танцам. Сыну — два года, и я предпочитаю не форсировать события. Хочется, чтобы желание исходило от самого ребенка. Мои родители, например, совершенно случайно обнаружили у меня абсолютный слух, купив детскую игрушку-пианолу. Потом уже события разворачивались стремительно. Пятилетним я самостоятельно разобрал ноты, играл с листа, осваивал все, что попадалось под руку, в общем — судьба моя была предопределена, хотя родители никогда не думали делать из меня музыканта. Мы с женой тоже заставляли своих детей не будем. Цена неудачи тут очень высока. Когда амбиции не соответствуют амунции, это ужасно портит характер, порождает комплексы на всю жизнь.

Досье «ЕМ»

Николай Луганский (1972) — родился в Москве в семье научных работников. С пяти лет начал играть на фортепиано. Закончил Московскую консерваторию.

1988 — первая премия на 1-м Всесоюзном конкурсе учащихся специальных музыкальных школ в Тбилиси и вторая премия и серебряная медаль на 8-м международном конкурсе им. Баха в Лейпциге.

1990 — вторая премия на 2-м Всесоюзном конкурсе им. С.В.Рахманинова в Москве.

1992 — звание лучшего пианиста Международной летней академии «Моцартеум» в Зальцбурге.

1994 — победа на 10-м Международном конкурсе им. П.И.Чайковского в Москве.

1995 — международная премия им. Теренса Джайда. Выступал с ведущими дирижерами мира — В.Гергиевым, Е.Светлановым, Г.Рождественским, К.Нагано, М.Плетневым, С.Сондецким — и многими знаменитыми оркестрами.